

Глава 1.

В какой-то момент, Марии Михайловне показалось, что она сейчас лишится чувств. И уже теперь она была благодарна тому, что вызвало в ней бурю негодования ещё минуту назад, — когда ладонь Витеньки бесцеремонно сжала её рот. Потому, что иначе, теперь в этом бедная женщина не сомневалась, она бы, наверняка, не удержалась от возгласа ужаса от той совершенно невозможной и дикой картины, что разворачивалась сейчас перед её взором.

Тонкая тюль, отделяющая их невольное нечаянное укрытие от остальной части спальни Бориса слишком тонка и ненадёжна и, конечно же, Мария Михайловна и Витенька уже давно были бы замечены, если бы Боренька и Екатерина Михайловна не были бы сейчас так увлечены друг другом. Скорее, верно, было бы правильнее заметить, — если бы Боренька не был бы так увлечён Екатериной Михайловной.

Мария Михайловна судорожно выдохнула сквозь пальцы сына на своих губах. Мысли её лихорадочно заметались. Что же делать? Что же делать? Что же ТЕПЕРЬ делать? Оставаться и дальше незамеченными и быть невольными свидетелями творимого невообразимого кровосмесительного действия было совершенно невозможно и более того противно. Но... Но... В то же время, бедная Мария Михайловна даже и представить себе не могла, как же ей теперь открыться? Признаться, своей сестре и племяннику, что всё это время, и она и Витенька были свидетелями этой стремительной и крайне постыдной сцены насилия?

Вмешаться? Но право слово, если бы Екатерина Михайловна искала бы своего спасения в помощи от домочадцев, то она и сама бы без сомнения о том возопила бы. Благо дом, служивший пристанищем для Виктора и Бориса, был совсем небольшим.

Мария Михайловна никогда не была решительным человеком, всегда полагаясь в своей жизни на чьё-то решение и волю. Вот и сейчас, невольно, она целиком и полностью подчинялась воле Виктора, который по-прежнему цепко держал её в объятиях, спиной прижимая мать к себе и, так же сжимая ладонью её рот.

А тем временем Борис потихоньку неумолимо продолжает свое движение, и вот сантиметр за сантиметром его огромный вздыбленный негнущийся фаллос входит...

Марии Михайловне тут становится едва ли не дурно. Она хочет отвести глаза, но по дьявольскому наваждению буквально не в силах этого сделать. С каким-то болезненным нездоровым любопытством она ловит широко распахнутыми глазами каждую мельчайшую деталь. Она просто не в силах оторвать своего взгляда от тел родной сестры и племянника, кои сплетались на старой скрипучей тахте в неравной любовной схватке на расстоянии не более, чем вытянутой руки от их с Виктором укрытия.

И... И... Хоть никогда прежде в своей жизни глаза женщины не были свидетелями столь непотребного действия, но сейчас Мария Михайловна видела всё воочию настолько близко, что у неё не могло оставаться ни тени сомнений, — мерзавец Боренька самым постыдным образом содомировал свою родную матушку, явно непривычную к подобному ужасному обращению бедную Екатерину Михайловну.

... огромный вздыбленный негнущийся фаллос медленно входит между раздвинутыми мужскими ладонями в стороны пышных женских ягодиц, пока не исчезает полностью в попке Екатерины Михайловны. Борис с глубоким стоном изгибается, с силой прижимаясь к

ягодицам матери. Он... Это несомненно, он полностью загнал в безжалостно растянутый анус распластавшейся под ним женщины своё любовное копьё... Да, он полностью там... Внутри... И будто в подтверждение этому, бедная Катенька протяжно застонала... Даже в полумраке, царившем в спальне, было ясно видно, что её щёки пылают стыдливым румянцем. Её обнажённая спина выгнулась ещё сильнее, словно, это помогало Екатерине Михайловне принять в себя внушительное мужское достоинство своего отпрыска. Её пышные атласные ягодицы дёрнулись, мелко дрожа от натуги, пытаясь и не в силах отпрянуть от тесно прижатых к ней мужских бёдер.

Тонкая стройная рука с идеальными длинными перламутровыми ноготками с изящным золотым браслетом на запястье — Катенька всегда обожала красивые и дорогие украшения — взлетела в воздух в немом отчаянном жесте, упираясь в мускулистый живот Бореньки, но по своей сути эта была жалкая беспомощная попытка.

Тем временем Борис неспешно продолжает. Его ягодицы расслабились, когда он потихоньку вышел из заднего прохода матери. Его огромное мужское достоинство поражает своими размерами. Марии Михайловне искренне жаль свою сестру. И уж тем более невдомёк, как же этот исполин уместается внутри Катеньки? Но передышка недолга, ибо почти сразу же, также медленно, в натяжечку, Боренька водрузился обратно в мать, снова с усилием прикинул своими бёдрами к ягодицам беспомощной женщины.

То ли всхлип, то ли стон срывается с губ Екатерины Михайловны. Лицо Бори сосредоточено напряженно. Но это напряжение сладострастия. Можно только подивиться стоической выдержке Екатерины Михайловны. Ведь, она не бьётся в отчаянной схватке, не заходится в крике на весь дом, что определённо привлекло бы внимание домочадцев и означало бы непременно её спасение. Но, видимо, для Екатерины Михайловны цена этого спасения слишком велика? Что скажет муж и отец, Александр Иванович, на пороге этой комнаты, застав своего отпрыска содомирующего его жену, да что там об этом, — свою собственную мать? По всей видимости, это отлично понимает и Борис, а потому он даже не пытается закрыть матери рот. Он знает, он полностью уверен, — мать не закричит, не позовёт на помощь.

После первого могучего рывка, Борис явно осторожен, он словно, даёт матери попривыкнуть к себе.

И, будто, в благодарность от подобной «нежности», Екатерина Михайловна убрала свою левую руку с паха Бореньки, которой до этого хоть как-то сдерживала натиск сына.

Теперь она вцепилась обеими руками в простынь, рядом со своим лицом, зарытым в подушку, судорожно смяв её тонкими пальцами...

Уловив, что родительница покорила его воле окончательно и бесповоротно, Борис уже как-то по-барски сжал в ладонях пышные ягодицы матери, всё так же неторопливо, эдаки нахраписто, теперь уже насаживал саму мать на свой огромный каменный кол из живой плоти, явно ощущая себя полным хозяином распластавшейся под ним женщины.

Раскрасневшаяся от натуги пышненькая спелая попка, выпяченная ему навстречу, была полностью во власти Бореньки... Тахта мерно и негромко поскрипывала в такт движениям юноши.

Картину дополняли кружевные тонкие панталончики Екатерины Михайловны, безжалостно разорванные, и белевшие недвижимым комочком в полумраке на деревянном полу возле мерно поскрипывающей тахты.

Немного погодя, явно всё сильнее разгораясь от обладания красивым женским телом, Борис грубо обхватил мать за стройное бедро. Сильно, явно сильнее, чем требовалось, потому, как его пальцы впились глубоко в мягкую женскую мякоть, оставляя глубокие красные полосы на белой нежной коже. Правой же рукой со спины он держал Екатерину Михайловну за плечо, именно так на вытянутой руке, чтоб, наверное, сподручнее поглубже ей загонять... Босая нога Бориса стоит на полу, второй, согнув её в колене, он упирается в подлокотник тахты позади себя, как будто ища опоры, чтобы придавать своим любовным ударам дополнительную силу.

Именно так. Потому, что сила и скорость, с которой бёдра Бореньки устремлялись раз за разом к ягодицам родительницы определённо возрастали.

Вместе с усиливающимся противным скрипом тахты послышались первые нескромно звонкие хлопки о катенькины ягодицы мужских бёдер.

Сама же Екатерина Михайловна упёрлась уже двумя руками в резное деревянное изголовье тахты, видимо, инстинктивно предчувствуя, что сейчас ей придётся нелегко.

Борис тем временем, уже, видимо, совсем теряя голову от охватившего его порочного огня, тяжело прерывисто дыша, всё более увеличивал амплитуду своих любовных ударов, кои скоро он обрушивал в мать уже совершенно яростно и безжалостно.

Голова Екатерины Михайловны лишь беспомощно металась по подушке, её чёрные, как смоль, кудри окончательно растрепались. Сжав краешек подушки зубами, она вцепилась пальцами в изголовье тахты, как, словно, это была последняя тростинка, которая удерживает её от падения в пропасть и лишь только тихонечко стонала, уже почти непрерывно. Но нет, даже теперь, она и не заикалась о пощаде. Хотя, скорее всего, ощущая внутри в себе весь жар похоти, охватившего Бореньку, просто прекрасно сознавала, что ничто не успокоит и не остановит её отпрыска, пока он не утолит своё противоестественное желание к ней.

Боренька употреблял родимую матушку, как употребляет свою дворовую крепостную девку иной барин, без оглядки, просто, чтобы снять накопившееся физиологическое напряжение. А, впрочем, Боря всегда был таким, лелеемый и холимый с самого раннего детства, избалованным эгоистичным мальчишкам. Как-никак, первенец и наследник.

Он с силой и с мощью молодого племенного бычка вторгался в мать, явно прислушиваясь и отдаваясь только к своим чувствам и ощущениям. Да, впрочем, весь вид матери демонстрировал полную беспомощность и отрешённость. Её стройные голые ножки, были грубо раскинуты в стороны на тахте, что было наиболее удобно для Бореньки. Как и вторая подушка, предусмотрительно вначале подложенная им под живот маменьки, чтобы было удобнее и сноровистее употреблять её.

Тело Екатерины Михайловны, сотрясаемое мощными размашистыми рывками, едва заметно, елозило туда-сюда по тахте. Задранная едва ли не до затылка длинная ночная рубашка почти не скрывала прелестей женщины. Так, что когда тело Екатерины Михайловны снова изгибалось, принимая в себя сына, Марии Михайловне был отчётливо виден нежный тёмный пушок, обрамлявший лоно сестры. Налитые полные груди, вывалившиеся из-под задранной рубашки, предоставленные сами себе, покачиваясь под собственной тяжестью, бойко, в такт мощным любовным ударам Бориса, ходуном ходили по женскому телу, сверкая крупными розовыми сосками.

Голова Екатерины Михайловны, с силой уткнувшись в подушку, она опять вцепилась в неё зубами, теперь вместо стонов издавала звук похожий на жалобное то ли блеяние, то ли хныканье.

Меж тем Боренька, а по всему было заметно, что он уже подходит к закономерному эпилогу, обрушивался на свою несчастную раздавленную мать едва ли не всем телом, сжимая её в своих ручищах и бросая безвольное женское тело навстречу своим ударам, словно, тряпичную куклу.

Скрип тахты и звонкие неприличные хлопки, женские приглушённое мычание из-под подушки, всё смешалось в вульгарную похабную какофонию, достигнув уже явно угрожающей силы. Ведь, в конце концов, внизу в комнате были Александр Иванович продолжающий церемонное чаепитие с Филиппом Марковичем, Олежка и Оленька играли там же.

В последний момент к общей гамме звуков добавился и долгий блаженный стон Бориса. Он навалился на свою матушку всем своим телом, так, что та была едва ли не сразу же чуть ли не погребена под массой его тела, до того лежавшая полубоком, теперь прижатая животом к тахте.

Борис же как-то сноровисто поудобнее разместился у неё на спине, и последние толчки были самыми нещадными и мощными. Впрочем, в следующий миг, он замер, из всех своих сил прижавшись к матери, изливая глубоко в неё своё семя.

Его тело обмякло в блаженной неге и ещё, какое то время он лежал на подрагивающей всхлипывающей матери, тяжело дыша, пот градом струился с его лба, да и всё тело Бореньки, сильное и статное, покрылось испаринами. Но вот, придя в себя, шумно выдохнув, он тяжело перевалился на спину рядом с Екатериной Михайловной.

Бедная Катенька, по-прежнему лежала на животе, уткнувшись лицом в подушку... Вдруг на её щеках отчётливо засверкали слёзы, и оторвав голову от подушки, и она начала вытирать их ладонью. Боря неуклюже попытался её привлечь к себе рукой, наверно хотел успокоить, но она резко отмахнулась от него и сев на кровати, закрыла лицо обеими ладонями, содрогаясь в рыданиях.

Наверное, это просто невозможно себе представить, что сейчас творилось у неё в душе.

— Ничего себе! Вот это зверюга!!! Вот это да! Филипп Маркович, голубчик, да уж не шутите ли Вы надо мной? Не уж-то, это голова настоящего зверя!?

Зычный удивлённо-восторженный возглас буквально взорвал гнетущую тишину.

— Да-с... Уважаемый, Александр Иванович... Хороший мишка был. Злой. Шатун. В ту зиму забрёл... У самой уже станции уложил его я.

— Вы!?

Голос Филиппа Марковича аж лелеял самодовольством и гордостью:

— Так точно-с... Народец-то весь с перепугу разбежался. По хатам забился. У нас тут есть охотник, знатный стрелок, Егорка, да в ту ночь перепился знатно. Вот, пришлось мне...

Самому-с..

— Вот это да... , — снова восторженно повторил Александр Иванович и вдруг он громко позвал, — дорогая Екатерина Михайловна! Мария Михайловна! Да, ступайте же Вы, наконец, сюда! Только полюбуйтесь на это чудище!

Мария Михайловна до боли в пальцах сжимала в руках старый потёртый фотоальбом.

Собственно, ради этого альбома они-то с Витенькой и поднялись сюда, в комнату Бореньки.

Наверное, это было чудом, что Борис и Катенька, впопыхах, подгоняемые зовом Александра Ивановича, приводившие себя в порядок, так и не заметили их с Виктором.

Внизу, правда, бледная и потерянная Екатерина Михайловна вскинула на них с Витей,

спустившихся следом за ними в гостиную, странный взор. Но Виктор как бы вскользь упомянул, что показывал маменьке, то есть ей, ей Марии Михайловне, свою комнату, — собственно на втором этаже их и было всего две комнаты, — спальни Виктора и Бориса, — братья делили один дом на двоих.

Шкура медведя, которую притащил Потап по велению Филиппа Марковича, торопившемуся похвастать перед высокопоставленным гостем была поистине гигантской. Во всяком случае, прежде никому из гостей не приходилось видывать такое чудовище. Олег и Олеженька с какой-то опаской таращились на огромную оскаленную морду. И впрямь, шкура косолапого смотрелась едва ли не живой зверюгой, что Мария Михайловна не могла удержаться от невольной мысли, вдруг это чудовище сейчас встанет на дыбы и огласит своим рёвом утлый деревянный домишко.

Разговор за столом явно не клеился. Во всяком случае, так казалось Марии Михайловне. Нет-нет, но украдкой Мария Михайловна бросала взор на сестру. Та, уже в домашнем платье и старомодном чепчике, — наверху, в спальне сына у неё не было времени поправить причёску должным образом, всё ещё со стыдливым румянцем на щеках, сидела за столом с самым рассеянным видом, всё время отвечая не впопад. Но поистине, можно было только позавидовать её выдержке, учитывая, что ей пришлось пережить каких-нибудь полчаса назад наверху, в комнате Бориса.

Борис же, точно так же, был весел и непринуждён, отчаянно споря с отцом и Филиппом Марковичем по поводу массового переселения крестьян в здешние земли из европейских губерний Империи, коему последние годы Петербург уделял большое внимание.

Какое-то странное гнетущее напряжение прямо-таки витало в воздухе. Но, казалось, никто кроме Марии Михайловны этого не замечал.

К её удивлению, даже Виктор, возившийся с Олежкой и Оленькой на шкуре медведя, вёл себя так, словно, решительным образом ничего не произошло.

В какой-то момент, к своему ужасу, Мария Михайловна поймала себя на мысли, — а как бы она себя сейчас вела... Хм... Если бы её Витенька, сейчас бы там наверху, её... ну... Она представила себя на месте сестры... А Витю на месте Бориса... И...

От этих мыслей её лицо залил стыдливый румянец, и она даже встряхнула головой, прогоняя от себя крамольные думы. Нет... Нет... Чтобы её Витенька... Нет... Нет... Никогда ничего подобного ЕЁ СЫН не сотворил бы с ней! Она была в том полностью и абсолютно уверена.

Но разве, ещё час назад могла бы она подобное измыслить и в отношении Бориса? Да, никогда! Неужто в этой глуши их мальчики совсем одичали? И бедная женщина уже с каким-то недоверчивым подозрением косится на сына, всё так же весело барахтающимся на шкуре с младшими детьми Александра Ивановича и Екатерины Михайловны.

Одним словом, Мария Михайловна была подавлена и решительно не понимала, как теперь себя вести и что думать по поводу того, чему она стала невольным свидетелем. От этих мыслей она окончательно почувствовала себя угнетённой, так что ей едва ли не физически стало дурно. Когда все снова собрались за столом пить чай, под каким-то благовидным предлогом, накинув шубку на плечи, выскользнула из дома. Она надеялась, что вечерний морозец поможет привести её мысли в порядок.

Но на большой деревянной веранде она оказалась не одна.

— Витенька, ты куришь? — вид сына, извлекающего папиросу из портсигара и прикуривавшего от масляной лампы на веранде дома, её расстроил.

Вместо ответа Виктор выпустил изо рта клуб дыма и, облокотившись на деревянные перила, с улыбкой пожал плечами:

— Простите, маменька... Если вы хотите, я выброшу папиросу...

Мария Михайловна замотала головой:

— Нет-нет... , — она вздохнула, — что уж... вырос... взрослый теперь..

Она прижалась к сыну, и они долго так стояли молча, наслаждаясь теплом друг друга. Слова им были не нужны. Виктор затягивался пахучей папиросой, выпуская клубы сизого дыма поверх головы матери, прятаясь лицом на его груди.

Немного спустя Мария Михайловна отстранилась:

— Я... Я... Не знаю, что и подумать... Но я благодарна тебе, что ты... что ты не дал мне обнаружить себя... Там... Ох... Я думала, что в обморок упаду..

Виктор сразу понял, о чём она. Он покачал головой:

— Маменька... Я думаю, это не наше дело. Плохо, что вы это увидели.

Он вздохнул и вдруг стал с каким-то странным отстранённым выражением стал говорить:

— Вот кто-то же додумался, надзорный железнодорожный пост поставить именно здесь...

Глушь... , — он кивнул головой поверх головы матери туда, где вокруг распорядительной станции ютилось с десятков деревянных домишек, всё что являло собой поселение рабочего люда станции, — отсюда вёрст 70 наверх к реке и Большая Рязановка, село домов под сто. Ниже, около сотни вёрст и Архангельское, ещё одна деревня, но поменьше она будет...

Он ухмыльнулся и как-то медленно, едва ли не по буквам с наигранной мечтательностью произнёс:

— Там Ц-И-В-И-Л-И-З-А-Ц-И-Я... — странно было подобное слышать из уст юноши, выросшего в столице, — да, маменька... По здешним меркам, Большая Рязановка и Архангельское не больше, не меньше, но здешний оазис цивилизации!

Мария Михайловна непонимающе посмотрела на сына. Признаться, ей и самой было неприятно заводить с родным чадом разговор на тему того, что произошло между Борисом и Катенькой. Но вести себя так, как будто вовсе ничего не случилось, как ни в чём не бывало, она тоже не могла. Одним словом, и не говорить об этом она тоже не могла. Быть может, таким образом, Виктор меняет тему разговора?

Как бы-то ни было, но Виктор продолжал, как будто не замечая взора матери:

— А здесь на станции... , — он снова вздохнул, — хм... с десятков семей... стрелочники и смотрители. Все местные. Из крестьян. Хм... Ну, по здешним меркам у них тут просто огромное жалование! Но то для простого люда... А человек с образованием сюда же не в жизнь не поедет. Ух, как Филип Маркович радовался, когда нас с Борисом сюда конвойный жандарм привёз на поселение. Здесь же отчётных документов, квитанций, журналов учёта, журналов прихода и выхода паровозов да прочей бухгалтерии просто не счесть.

Виктор полусутоливо округлил глаза:

— И где тут Филип Маркович найдёт грамотных людей? А ведь писанины столько, что за каждым и проверить всё никакого времени не хватит. Тут кроме нас, из ссыльных ещё, Афанасий Львович, образованнейший человек, целый доктор наук, моя милая матушка, преподавал в Таврическом университете, — попал сюда за разглагольствования со студенческой братией о построении Республики в России. Вот, уже второй год, у Филиппа Марковича, заведует распределением погрузочных работ. Ему ещё год ссылки остался, Филип Маркович уже жалуется, мол, уедет отсюда наш доктор наук, — тут без него чёрт ногу

сломит, куда и к какой станции сколько грузовых вагонов и подвод для разгрузки-погрузки оных подавать... Эх... А как, Афанасий Львович в шахматах силён, маменька..

Виктор восхищённо причмокнул губами. Он помолчал, потом опять усмехнулся:

— В общем, нам тут с Борисом работы хватает. От зари до темна. В зиму, конечно, попроще. Пути заметает. Составов меньше. И то сейчас-то грех жаловаться, с месяц назад Филипп Маркович, сторговал у начальника местного острога, что под Большой Рязановой, двух братьев, они раньше в Тамбове при губернском казначействе служили..

— Так, что же это... — ужаснулась в голос Мария Михайловна, — у Вас тут каторжники?!

Виктор только махнул рукой, широко улыбнулся во весь рот и обнял мать за плечи, нежно прижимая её к себе:

— Ну, вы прям, как Бориска, матушка... Тот тоже поначалу с опаской к ним, всё сторонился и нос воротил... Хе-хе... Да, что там, милая маменька... Милейшие люди. Агафоновы. Илья Андреевич и Иван Андреевич. Никто из них и мухи не обидит. Из служивых мещан в пятом поколении, кстати. Осуждены на десять лет каторги за казнокрадство. Но сама понимаешь, одно дело в остроге лес валить денно и ночью, а другое дело здесь на станции в тепле и уюте в бумажках ковыряться. Для каторжан это ж аки рай, вот эдак-то срок тянуть. В общем, всю бухгалтерию Станции Агафоновы и ведут. Причём, образцово-показательно, — Виктор хохотнул, — всяко уже не так, как когда-то у себя на Тамбовщине. Раз обожглись-то на всю жизнь. Да и в острог обратно никому из них, понятное дело, никак неохота. Тем паче, тут глядишь, Филипп Маркович со временем выхлопочет замену каторги на ссылку. А тогда и разрешение жёнам на поселение к мужьям можно выхлопотать... Вот.

— Вот, матушка, и весь Надзорный Пост, — опять вздохнул Виктор, — нет, понятное дело, Филипп Маркович строчит без устали прошения во все высочайшие инстанции, что не хватает ему здесь никаких положенных при распорядительной станции служащих, — да только опять же, а кто ж сюда на службу-то поедет? Глухомань! Только если ещё кого на ссылку сюда определяют... Так, Филипп Маркович про то и рассказывает постоянно-непрестанно, что Надзорный Пост наш, почитай с самого своего основания тут, уже лет, как двадцать, только на ссыльных и держится. Мол, никак иначе, мало-мальски образованного человека сюда не затащить. Ни-ни... Ни за какие коврижки...

— Витенька... Я не понимаю... , — Мария Михайловна чувствует, как против её воли, румянец стыда заливает её щёки, — нет... в смысле... я понимаю... Вы с Борисом молодые юноши... А тут... Кого не увижу, все уже в возрасте... , И девок-то молодых тут и нет совсем — Мария Михайловна смешалась, но нашла в себе силы и едва ли не выпалила, — вам не хватает женщин тут, да?

Виктор удивлённо воззрился на мать, так что Мария Михайловна под этим взглядом окончательно смешалась, уже буквально не зная куда себя девать. Мысленно она уже ругала себя на все лады за свою бестактность.

— Простите меня, Витенька, — залепетала она в полнейшем замешательстве, — просто мы с Вами никогда раньше на подобные темы бесед не водили. А Вы... После... Того, чему мы с Вами были невольными свидетелями. Вы, ведёте себя так, как будто ровным счётом ничего не случилось. И я уже и не знаю, что мне и думать...

Губы Виктора тронула улыбка, он захлопал глазами и уже хотел что-то сказать. Но в это время дверь широко распахнулась и на веранду вывалился, облачённый уже в шубу, Александр Иванович, сопровождаемый Филиппом Марковичем.

— Осторожненько, Александр Иванович. Осторожненько ступайте, тут ступенька... , — начальник станции подобострастно поддерживал Александра Ивановича под локоть.

— Екатерина Михайловна, Боренька не отставайте! — своим зычным голосом окликнул из дома жену и сына Александр Иванович. Когда он увидел Марию Михайловну и Виктора, его взгляд оживился, — а, вот вы где, мои дорогие! Не изволите ли с нами? У уважаемого Филиппа Марковича оказывается в доме целая комната отведена под охотничьи трофеи. Право слово, любопытно посмотреть. *****

К вечеру Потам, памятуя наказ Филиппа Марковича, истопил баньку, что стояла почти вплотную с правого края к домику Бориса и Виктора, натаскал воды.

— Барыня, извольте, — при виде Марии Михайловны раскланялась Груня, племянница Потапа, здоровая дородная баба лет тридцати, жившая здесь же при станции в избе Потапа вместе с тремя своими ребятишками, румяная и красная, буквально пышущая силищей и энергией, — коли желаете, то до баньки. Уже самое то...

Александр Иванович всё ещё не вернулся от Филиппа Марковича.

Виктор снова играл с детьми на полу в маленькой гостиной, выстраивая вместе с ними крепость из деревянных кубиков.

Екатерины Михайловны и Бореньки нигде не было видно. Но, по словам Груни, они вроде бы тоже, вслед за Александром Ивановичем отправились в гости к Филиппу Марковичу.

На станции дымил вхолостую паровоз. Вечернюю тишину прерывали только окрики десятников смотровой команды, осматривающих товарные вагоны и переругиваясь о чём-то по поводу накладных на груз.

Мария Михайловна пыталась читать. Но перечитав одну и ту же страницу уже, наверное, раз десятый, она поняла, что нет, сегодня она просто не в состоянии уразуметь хоть строчку из прочитанного. Мысли мешались и путались в голове. Слишком много эмоций и переживаний за один вечер.

А самое главное её всё решительно раздражало. Даже смех детей и Виктора, на полу в гостиной штурмующих оловянными солдатиками построенную из кубиков крепость. Мария Михайловна решительно не могла понять, как же это так Виктору удаётся вести себя, как ни в чём не бывало, после всего ТОГО...

Отодвинув старое деревянное кресло, в котором она восседала возле камина и, отложив в сторону книгу, Мария Михайловна едва ли не выбежала из гостиной.

Её чемоданы были сложены в небольшой комнате, примыкающей к гостиной. Не зная чем себя занять и как убежать от своих собственных мыслей, машинально, она вытащила банный халат и большое полотенце, решив, что, быть может, жаркая парная поможет ей привести мысли в порядок. Но по большому счёту, ни в какую баню, Марии Михайловне не хотелось, ей просто хотелось побыть одной. Баня была лишь предлогом, чтобы выскользнуть из дома.

Услужливая Груня, возившаяся на кухне, тут же предложила ей свою помощь, в бане веником попарить или плечи помассировать, но Мария Михайловна вежливо, но решительно отказалась. Хоть вправду, сказать купаться без помощи прислуги была она не привыкшей.

Вечерний воздух немного остудил её. награждала его колючим уничтожающим взглядом.

Правда, как показалось со стороны Марии Михайловне, Бориса это скорее ещё более раззадоривало, нежели смущало. Во всяком случае, казалось, он не обращал никакого внимания ни на гневные взоры, ни на жалобные стоны своей маменьки, а просто с удовольствием наслаждался женской попойкой, которая была полностью в его власти. Его

фаллос легко скользил в податливом анусе матери.

— Маменька... Вы чувствуете меня? Скажите мне, матушка! — вдруг с какой-то злостью, всем телом прижавшись к матери, выдохнул Боренька, — вы всё ещё считаете меня мальчишкой, а? Зелёным юнцом? Да, маменька?!

Екатерина Михайловна вздрогнула, что от удара.

— Да! Да! Вы, Глупый Избалованный Мальчишка!, — едва ли не выплюнула она на выдохе, — Боренька как раз снова ввинтился в неё на всю катушку.

Ладонь Бориса с силой сжала тяжёлую упругую грудь. До этого, ни тогда в спальне, ни сейчас, Боренька, словно, не решался прикоснуться к материнской груди. Он употреблял собственную родительницу в задний проход, но так и не решился прикоснуться к её груди.

— Получайте, маменька, получайте!, — выдыхал с какой-то злостью Борис, каждый раз с силой со звонким шлепком вонзаясь бёдрами в ягодицы матери, — Вот! Вот!

В какой-то момент, Екатерине Михайловне стало понятным, что то, что вытворял Борис со своей матерью, возможно, дело не в похоти и не в физиологическом извращённом желании. Не уж-то, этот избалованный и эгоистичный мальчишка, доведённый до исступления тем, что его мать по-прежнему видит в нём только лишь юного несмышлёныша, не признавая в Борисе взрослого мужчину, который более не нуждается в её извечной дражайшей опеке... И таким изуверским ищвращённым непотребным способом сын решил доказать своей матери, что он уже не мальчик, а взрослый зрелый мужчина.

Нет, нет... Мария Михайловна отогнала эту мысль. Ибо это было много раз хуже того, чем если бы молодой человек лишённый много месяцев женского общества, вконец потерял голову от бурливших в нём страстей и молодой крови и, поддавшись зову похотливого возбуждения, покусился на тело красивой женщины, презрев тот факт, что эта женщина его родная мать.

Но быть может, тут имело место и первое, и второе...

У Бореньки всегда был непростой, сложный характер. И этим он разительно отличался от покладистого и добродушного Витеньки.

Ещё более ужаснуло Марию Михайловну то, что в какой-то момент, волна самого настоящего злорадства обуяла её.

Да, именно, злорадства! Ведь, как-никак, но по разумению Марии Михайловны, её сын Виктор и племянник Борис оказались здесь, в ссылке, исключительно по вине Бориса. Ведь именно Борис втянул Витю, да и не только его одного, в свой «знаменитый» кружок «Наследников Декабристов. Впрочем, сие «сообщество» просуществовало совсем недолго и каких-нибудь невзгод властям не принесло, да и в столичном обществе послужило скорее поводом к многочисленным анекдотам и шутливым памфлетам, нежели каким-то серьёзным диспутам или обсуждениям на эту тему. А посему, учитывая вдобавок и юный возраст немногочисленных членов «Наследников Декабристов», наказание отнюдь не было суровым. Могло быть гораздо хуже...

Надо тут добавить, что собственно возвышенные материи о несправедливом гнёте, под которым по мнению русских народолюбцев, пребывали народы, населявшие Империю, в принципе никогда не занимали голову Бориса. Но вот та слава и почёт, которыми неизменно наделяла либеральная часть светского общества каждого очередного борца за народное счастье, не давали Бореньке покоя.

А уж по поводу излишней избалованности и вседозволенности Бореньки, сёстры спорил не

раз и не два чуть ли не ежемесячно, наверное, уже лет, как пять. Марии Михайловне всегда казалось, что Борис чересчур дурно влияет на её Витеньку. Но, конечно же, упрямая Катенька так не думала, возведя в своём сердце своего первенца на незримый золотой пьедестал, всегда склонная всячески обелять и многое прощать своему несравненному Борису. К тому же, на беду Александр Иванович, муж и отец, занимая высокий пост в железнодорожном ведомстве, ответственный за возведение и прокладку новых путей, довольно часто и подолгу отсутствовал в доме, почти полностью переложив на плечи жены воспитание их потомства.

И вот теперь, как снова не смогла удержаться от злорадного ехидства Мария Михайловна, её сестрица и пожинала плоды своего воспитания, когда повзрослевший наследничек, ни капельки, не робея и не коря себя излишним стыдом, поставил собственную родительницу к стенке в постыдную позу и пользуется её аки непотребную девицу. И что теперь скажет Катенька, коли напомнить сейчас ей их многочисленные споры о чрезмерной избалованности Бореньки?

— Я же Вам писал, маменька!, — в каком-то яростном исступлении громко шептал Борис, продолжая остервенело налегать на мать всем своим телом в яростной любовной качке, — я же требовал! Чтобы вы приехали одна! Зачем здесь отец!? Зачем здесь Оленька и Олежка!? Я просил Вас, чтобы Вы приехали одна!

Его ладонь жадно месила пальцами сочную нежную плоть материнской груди...

Вот так-то, со стороны и не скажешь никак, что эта парочка родные мать и сын. Больше похоже, что любовник, за что-то осерчавший на свою возлюбленную, теперь вот эдаки приводит свою женщину к послушанию. И было в этом больше вины не сына, но матери, позволявшей своему отпрыску творить такое с собой.

Одним словом, Мария Михайловна, не знала, что и думать, хоть без сомнения невольно увлечённая видом этого непотребного действия была буквально не в состоянии оторвать от сливающихся в насильственной любовной схватке обнажённых разгорячённых тел глаз и жадно ловила каждое движение сестры и племянника.

— Глупенький мой мальчик, — вдруг как-то совсем не к месту к этой сцене неприкрытого насилия нежно и ласково выдохнула Екатерина Михайловна, — что же вы делаете со мной... Ведь я же люблю Вас всем моим сердцем. И буду любить всегда, что бы вы не делали со мной...

— Тогда почему я здесь, мама!?, — едва ли не застонал в голос Боренька, — маменька... Зачем я здесь!? В этом суровом и мрачном месте! Вдали от всяческой цивилизации, подобающему нормальному человеку! Я же просил Вас с отцом вывезти меня за границу! Зачем же я здесь? В его голосе прорвалось самое настоящее отчаяние, сдобренное щедрой порцией обиды. Он снова с силой могучим рывком приник к матери, так что на какой-то миг, Катенька жалобно вскрикнув, насаженная на живой кол, взвилась по стене вверх, беспомощно болтая в воздухе босыми ступнями.

— Боренька... — взмолилась она, — сыночек...

— Вы совсем позабыли обо мне, маменька! Забыли! Забыли! — и его бёдра вновь снова и снова мощно шлёпаются о ягодицы матери, как словно, таким образом Борис желал придать своим словам дополнительный вес.

— Нет... Нет... Нет... Никогда, мой мальчик... — Екатерина Михайловна замотала головой, хоть ей то было и совсем неудобно, её волосы были по-прежнему скомканы в пучок и сжаты в ладони сына..

На миг Боренька замер, рывком дёрнул волосы женщины к себе, прикинув грудью к её спине и повернул её голову вбок, к себе лицом, вдруг страстно поцеловал мать в засос. Марии Михайловне даже показалось, что ей это мерещится, но несомненно, её сестра отвечала на этот поцелуй.

Боренька с шумом разорвал их поцелуй. Екатерина Михайловна с полуоткрытым ртом, насаженная до упора на любовный мускул своего отпрыска, покорно взирала на него, извернувшись в неудобной позе. Боря долго смотрел на мать, как будто что-то хотел увидеть в её глазах. Он снова приблизил своё лицо к лицу матери, тяжело дыша. Медленно провёл языком по её губам. Потом вдруг выпустив её грудь из своей ладони, этой же ладонью шлёпнул мать по лицу. Екатерина Михайловна вздрогнула, но в её покорных глазах не изменилось ничего, — там плескалось только море безграничной любви и преданности к своему ненаглядному родному сыну. И казалось, это именно то, что и хотел видеть в глазах матери Борис.

— Прости меня, Боренька... , — простонала едва ли не плача Екатерина Михайловна, — я не должна была допустить, чтобы ты оказался здесь..

Борис как-то удовлетворённо хмыкнул и снова его губы накрыли губы матери в страстном пылком поцелуе.

Немного погодя сын неожиданно вышел из матери, его возбуждённый изогнутый мужской корень во всей своей боевой красоте хищно блестел, возвышаясь над его бёдрами. Он рывком повернул мать к себе лицом, прижав её теперь к деревянной стене уже спиной. Их губы снова слились в поцелуе. Руки Катеньки обвивали шею сына. Его ладони мяли её груди.

— Я хочу, чтобы ты была моей, мама... , — прохрипел чуть погодя Борис, — моей любовницей... Без принуждения, милая мама... Вы будете моей?

Казалось, у Екатерины Михайловны нет сил, чтобы согласиться на такое вслух. Или быть может, перехватило дыхание после пылких поцелуев мальчика.

Она замерла, с какой-то нежной печалью снизу-вверх глядя на Бореньку и ничего не отвечала.

— Мама... — сжав её за плечи, Боренька нетерпеливо встряхнул её, словно, тряпичную куклу. Его длинный мощный ятаган упирался в её живот, — мама, ну же! Не мучайте меня! Вы же чувствуете мою страсть к Вам! Не разбивайте моё сердце!

Его ладони на его плечах сжались в кулаки, а лицо Бореньки вновь исказилось в гневе.

— Да... — еле слышно, не явственнее дуновения ветерка был голос Екатерины Михайловны. Но Борису явно этого было достаточно.

Он снова обнял мать, теперь уже непривычно нежно прижимая её к себе, и опять поцеловал долгим и чувственным поцелуем.

Ладонями на её плечах спиной по стенке, Борис опустил свою мать на корточки перед собой. Екатерина Михайловна непонимающе вскинулась. Она с ужасом взирала на возбуждённое мужское естество, которым Борис нисколько не стесняясь тыкался в её щёки. Катенька неуверенно пыталась отстраниться.

Но Борис тут же цыкнул на неё:

— Ну, же, мама... Сделайте своему мальчику приятное... — раздувшаяся головка упёрлась прямо в её губы.

Мария Михайловна тут даже забыла дышать. Нет, она, конечно, не могла не слышать в своей жизни, что мужчины додумались и до подобного, чтобы утолять свои низменные похотливые

наклонности и с помощью женского рта. Но чтобы узреть такое в реальности. А уж тем паче, что её родной племянничек будет принуждать к тому её сестру... Нет... Нет... Это было уже за гранью реальности.

Но бедная Катенька, видимо, уже устав от насилия от собственного сына, да и понимая, что всё равно тот своего добьётся, обхватила бёдра Бориса ладонями, зачем-то крепко зажмурившись, широко распахнула губы и захватила головку фаллоса, с трудом уместив её в рот, неумело и словно с опаской посасывая, готовой, как и подобает хорошей любовнице, воплотить в жизнь любые капризы своего любовника, принялась ублажать его.

С первого взгляда было понятно, что в подобных ласках Катенька совершенно несведуща, но, во всяком случае несомненно, она искренне старалась. А Боренька явно испытывал сейчас самые приятные ощущения, ибо на лице его разлилась гримаса неподдельного блаженства.

Положив руку на затылок матери, он неспешно и уверенно насадил её рот на свой орган, так что Катенька даже закашлялась. Её пальцы напряглись, впиваясь глубоко в кожу на бёдрах сына. Боренька позволил матери соскользнуть с себя, но едва только она восстановила дыхание, как его рука на её затылке вновь неумолимо притянула её лицо к мужским бёдрам. Так повторялось несколько раз, пока наконец, Екатерина Михайловна не уразумела, что от неё требуется и не принялась уже самостоятельно мерно двигать головой, скользя ртом по напряжённому сыновьему естеству, то почти что, целиком вбирая его в себя, то выпуская его из себя.

Боренька счастливо замурлыкал. Глаза Екатерины Михайловны с рабской покорной любовью смотрели на него снизу-вверх.

Всё это выглядело просто неопишимо и слишком невероятно. У Марии Михайловны буквально перехватило дыхание от эдакого зрелища. Это было за пределами разврата в её понимании.

Входная дверь позади неё бухнула.

— Мама?

Обе женщины от испуга вскрикнули почти одновременно. Екатерина Михайловна немного позже, — но то было естественно, ведь её рот был занят плотью сына.

— Витенька... Я... — Мария Михайловна отпрянула в полном ужасе застигнутой врасплох преступницы, неосторожно громко бухнув дверью парилки. Но то было уже неважно, она была и без того уже поймана с поличным, причём сразу же одновременно и сыном, и племянником, и сестрой.

Если ей когда-нибудь в жизни и хотелось провалиться сквозь землю, то вряд ли когда-либо сильнее, чем сейчас.

Дверь парилки внезапно распахнулась настежь от резкого удара и с грохотом ударилась о стену, едва не задев застывшую в полуобморочном состоянии Марию Михайловну.

Словами сейчас описать состояние Бориса было невозможно. В другой ситуации его вид, скорее всего, показался бы Марии Михайловне изрядно смешным. В простыне, словно в тоге, перекинутой через плечо, он походил на римского патриция. Пар так и валил от его красного разгорячённого тела. Лицо Бориса, перекошенное то ли в гримасе испуга, то ли гнева, в любом случае не предвещало ничего хорошего. Его взгляд полыхнул огнём, мечась с пятывшейся назад Марии Михайловны на застывшего в дверях Виктора.

— Да... Да... Да, как вы смеете!!!, — взревел Боренька в праведном гневе пойманного с поличным и загнанного в угол преступника, отступить которому некуда, — тётушка!! Вы...

ВЫ...

В слепой ярости он шагнул к Марии Михайловне. Кто знает, чем бы всё тут закончилось, когда Борис был в подобном состоянии, он не отвечал за себя. Ведь именно в такой иступлённой ярости, он забил насмерть лопатой на конюшне старого Ефима, их крепостного конюха, когда тот несмотря на многочисленные требования Бореньки, отказался снаряжать коня для него, ссылаясь на запрет хозяина, то бишь отца Бориса, Александра Ивановича.

Но внезапно Борис отлетел к стене. А между ним и Марией Михайловной выросла фигура Виктора.

— Охолопись, Бориска... , — тихо и спокойно проговорил Виктор.

Хоть Мария Михайловна и была не жива, не мертва, но всё же удивлённо покосилась на сына. Обычно, тот только и глядел в рот Борису, всегда следуя за ним верной тенью.

— Да, что же это!, — взревел Борис, чуть ли не багровея от злости, — да как ты смеешь!?! Я... Я... Твоя маменька... Она... Она...

Он захлебнулся в обуревавших его чувствах и так и не сумел подобрать нужных слов, чтобы выразить их брату и тётке. Он снова шагнул вперёд, теперь уже к Виктору, сжимая кулаки. И Виктор снова толкнул его в грудь. В это раз, Борис оказался на полу.

Он уже испуганно воззрился на брата, обескураженный не менее тем, как тот довольно легко, едва ли не играючи сбил его с ног, как и тем, что должно быть, впервые в жизни, младший брат выказал ему открытый отпор. Сказать по правде, Мария Михайловна вряд ли была тому удивлена меньше, чем Борис. Она с радостным интересом посмотрела на сына.

— Ступай, Бориска... , — всё также спокойно промолвил Витенька, кивая головой на распахнутую дверь парной..

— Витя! Витя... — Боренька барахтался на полу, пытаясь неуклюже подняться. Но злости и напора в нём явно на порядок поубавилось. Впрочем, зная Бореньку, сомневаться не приходилось, когда Виктор и Мария Михайловна уйдут, Екатерине Михайловне придётся перед сыном отдуваться-расплачиваться и за это его унижение. Боренька не постесняется сделать мать виновницей и в этом своём несчастье.

— Витя... — Борис поднялся, неуверенно переминаясь с ноги на ногу.

— Ни звука! — как отрезал Виктор и приложил палец к губам.

— Ступай, говорю! — он вновь кивнул на парную, — после поговорим...

Борис поник, уже вовсе без всякой спеси и промямлил едва ли не заискивающе:

— Папенька...

— Он ничего не узнает. И матушку свою в том успокой...

Больше не обращая на брата никакого внимания, Виктор обернулся и посмотрел на мать. Мария Михайловна торопливо потупилась, опустив глаза в пол, с трудом пряча совершенно сейчас неуместную довольную улыбку.

— Пойдёмте, маменька... , — Виктор осторожно взял её под локоть.

Чувствуя несказанное облегчение, Мария Михайловна послушно юркнула между сыном и племянником к выходу из бани.

Когда позади неё бухнула, закрываясь входная дверь, она всё же обернулась к сыну:

— Витенька... — ей самой стало противно, до того её тон был заискивающе подобен тому с каким в конце вопрошал Виктора Борис, — я...

Виктор скривился, едва ли как не от зубной боли:

— Маменька... Прошу Вас... После поговорим, если Вам будет угодно — он вздохнул, — не

вмешивайтесь Вы в ИХ отношения. Пойдёмте лучше в дом. Олег и Оленька одни там. Груни сейчас совершенно не до них. Сколько постелей надо на всех заправить ко сну...

— Как скажете, Виктор Андреевич, — Мария Михайловна изобразила книксен, с видом полнейшего и самого кроткого послушания.

На миг привстав на цыпочки, она запечатлела на губах своего сына трепетный поцелуй. Виктор удивлённо покосился на неё, но Мария Михайловна с улыбкой уже брала его под руку и увлекала за собой в дом.